

Погребения на поселениях срубно-алакульского мира

Костылева Полина Сергеевна

Студент

Челябинский государственный педагогический университет, Исторический

факультет, Челябинск, Россия

E-mail: polenke@yandex.ru

Эпоха бронзы степной полосы Евразии характеризуется появлением сепаратных курганных или грунтовых могильников. В связи с этим человеческие останки, обнаруженные на поселениях, зачастую относятся исследователями к разряду экстраординарных.

Так, наличие сепаратных кладбищ в бронзовом веке Южного Зауралья не исключает появление человеческих останков непосредственно на поселениях. В этом контексте вопрос детских погребений, приуроченных к жилищам на синташтинских и петровских памятниках, представляется наиболее освещенным в археологической литературе (Зданович Г.Б., 1983, с. 53; Кузьмина О.В., 1994 с. 97; Алаева И.П., 1998, с. 84-85; Куприянова Е.В., 2004, с. 124).

Иная ситуация наблюдается в трактовке погребений, выявленных на срубных и алакульских поселениях. Большинство исследователей, столкнувшись с подобным объектом, ограничиваются его описанием, в лучшем случае – поиском аналогий в широчайших хронологических интервалах. Материалы поселения Гуселка II и ряд аналогий позволили его исследователям высказать мнение о существовании традиции погребений на поселениях срубной культуры Поволжья (Синицын И.В, Фисенко В.А., 1972, с. 19). Существенным аргументом к высказанному тезису послужила статья И.А. Файзуллина, автор которой опубликовал данные о ряде поселенческих захоронений в Оренбуржье (Файзуллин И.А., 2012, с. 229). Более осторожной позиции придерживается В.И. Мельник. Полемизируя с Синицыным И.В. и Фисенко В.А., он отрицает безусловность утверждения о том, что погребения совершались именно в период существования поселения (Мельник В.И., 2008, с. 237). Между тем, количество известных «экстраординарных» взрослых и детских погребений эпохи бронзы уже исчисляется десятками (Мерперт Н.Я., 1958, с. 118-119; Попова Т.Б., 1960, с. 278; Синицын И.В., Фисенко В.А., 1972, с. 16-19; Тамимдарова Р.Р., 2007, с. 76-77; Файзуллин И.А., 2012, с. 226-230).

Один из таких случаев иллюстрируют материалы укрепленного поселения Устье I в Варненском районе Челябинской области (Виноградов, 1988). Памятник функционировал в синташтинское и петровское время, однако на его территорию своей периферией накладывается неукрепленное срубно-алакульское поселение Устье III. При раскопках были обнаружены пять детских погребений и одно захоронение взрослого, расположенные двумя компактными группами у восточного края раскопа. Все погребения совершены в культурном слое синташтинско-петровского поселения Устье I, в золисто-гумусном грунте без заглабления в материк. Детские костяки были зафиксированы в положении на левом боку скорченно, головой ориентированы в северном направлении. Погребальный инвентарь включал в себя сосуды срубно-алакульского облика. Захоронение взрослого было обнаружено в месте скопления костей животных, включавшем целый костяк лошади. Погребенный был уложен на левый бок скорченно, головой на восток. В левой

затылочной доле черепа, ближе к основанию, имелось треугольной формы отверстие размерами 6,5 x 7,0 x 7,5 см, нижняя челюсть сломана (Виноградов Н.Б., 1988).

Культурную принадлежность вышеописанных погребений можно определить как срубно-алакульскую, аргументируя это наличием сосудов срубно-алакульского типа в детских погребениях, а также позой, ориентировкой, стратиграфической и планиграфической позицией взрослого костяка.

Ряд признаков указывает на экстраординарный характер данных погребений. Прежде всего, погребения совершены на территории поселения, в то время как срубно-алакульские племена придерживались традиции сооружения курганных или грунтовых сепаратных могильников. Также обращает на себя внимание отсутствие углубленной в материк могильной ямы. Стоит учесть нестандартное погребение взрослого с признаками насильственной смерти, погребенного со связанными руками. Все эти факты демонстрируют явное отступление от канонов погребального обряда срубно-алакульских племен.

В процессе поиска аналогий было проанализировано 18 случаев обнаружения человеческих останков на срубных и алакульских поселениях. Характер выборки не отличается однородностью. Во-первых, существует категория памятников, человеческие останки на которых были обнаружены без каких-либо признаков погребального обряда: поселения Коркино I (не менее семи человек), Токское (не менее 10 человек), Мирный IV (человеческие останки в нестандартной позе без инвентаря) (Чемякин Ю.П., 1974, с. 52; Чемякин Ю.П., 1976, с. 206-207; Чемякин Ю.П., 1978, с. 201-202; Файзуллин И.А., 2012, с. 228). Возможно, причина их появления на территориях поселений была связана с какой-либо военной катастрофой, либо исключительным случаем из жизни их обитателей.

Остальные погребения по совокупности признаков можно условно разделить на несколько групп. Первая группа представлена единичными детскими захоронениями на территории поселений. Она включает в себя погребения на поселениях Точка, Родниковское II, Покровское, Сусканское (Кузьмина О.В., 1979, с. 92; Файзуллин И.А., 2012, с. 226-228; Мерперт Н.Я., 1958, с. 118-119).

Критерием выделения второй группы послужило наличие следов насильственной смерти. Они были зафиксированы на костяках из поселений Устье I, Кузьминковское II, Абрамовское II, Гуселка II (?) (Виноградов Н.Б., 1988; Файзуллин И.А., 2012, с. 226-227; Ледяйкин В.И., Семькин Ю.А., 1991, с. 112-129; Сеницын И.В., Фисенко В.А., 1972, с. 16-19).

В третью группу следует выделить погребение женщины с двумя младенцами одного возраста, предположительно близнецами, на периферии поселения Лисьи Горы. В связи со значимостью близнечного культа в мифоритуальной системе зауральского населения эпохи поздней бронзы погребение было совершено на краю поселения (Куприянова Е.В., 2006, с. 151).

Остальные случаи представлены индивидуальными погребениями взрослых людей. (Фомина В.И., 1964, с. 210; Деревягин Ю.В., 1971, с. 96; Чемякин Ю.П., 1974, с. 52; Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984, с. 140-141; Лопатин В.А., 2002, с. 81; Тамимдарова Р.Р., 2007, с. 76-77; Петров Ф.Н., 2006, 236-243; Мельник В.И., 2008, с. 236-237). В связи с отсутствием данных о причинах их смерти не представляется возможным отнести эти захоронения к одной из групп, как и выделить дополнительные.

Для понимания существования экстраординарных форм погребений в бронзовом веке имеет смысл обратиться к этнографическим данным. Многие народы строго различают в своих поверьях два разряда умерших людей: скончавшихся естественной смертью, и принявших смерть неестественную. (Зеленин Д.К., 1995, с. 39). Именно вторая категория людей зачастую лишается возможности быть погребенными на общем кладбище согласно традиционным канонам. Объясняется это тем, что сам факт противоестественной смерти начинает восприниматься как угрожающий обществу прежде всего стихийными бедствиями (Велецкая Н.Н., 1978, с. 143).

Таким образом, можно констатировать факт, что в срубно-алакульском мире существовала целая группа лиц, на которых не распространялась традиция погребения на сепаратных кладбищах. Бесспорно, эта группа неоднородна по своему половозрастному составу и обстоятельствам смерти. Привлечение данных этнографии, антропологии и тщательное изучение особенностей каждого подобного случая поможет ответить на вопрос, какие конкретно особенности жизни и смерти лишили этих людей возможности обрести последний приют согласно бытующим традициям.

Источники и литература

1. Алаева И.П., 1998. Традиция детских погребений на синташтинских и петровских поселениях Южного Зауралья // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. Самара. С. 84 - 85.
2. Виноградов Н.Б., 1989. Отчет о полевых археологических исследованиях на территории Челябинской и Курганской областей в 1988 г. Челябинск. Архив ЛАИ ЧГПУ
3. Деревягин Ю.В., 1971. Новые памятники в бассейне р. Медведицы // КСИА. Вып. 127. Москва. С. 93-97.
4. Зеленин Д.К., 1995 Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественную смертью и русалки. Москва. 432 с.
5. Зданович Г.Б., 1983. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. С. 48 – 68.
6. Кузьмина О.В., 1979. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья. Том 230. Куйбышев. С. 86 – 98.
7. Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Москва. 462 с.
8. Куприянова Е.В., 2004. Миры Аркаима: мужчины, женщины, дети // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск. С. 117 – 126.
9. Куприянова Е.В., 2008. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст». Челябинск. 244 с.

10. Ледяйкин В.И., Семькин Ю.А., 1991. Жертвенный погребальный комплекс 2-ого Абрамовского поселения // Археологические исследования в леостепном Поволжье. Самара. С. 112-129.
11. Лопатин В.А., 2002. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов. 136 с.
12. Малов Н.М., 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах
13. Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно – исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов. С. 34 – 92.
14. Мельник В.И., 2008. Поселения эпохи бронзы у с. Нижняя Красавка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов. С. 234-244
15. Мерперт Н.Я., 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА, №61. Москва. С.118-119.
16. Петров Ф.Н., 2008. Материалы исследований одиночного менгира Лисьи горы // Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст». Челябинск. С. 236-243.
17. Попова Т.Б., 1960. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково // МИА, № 78. Москва. С. 278.
18. Сериков Ю.Б., 2006. Культурные объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Заруалья) // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск. С. 223-224
19. Синицын И. В., Фисенко В. А., 1972. Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова // Античный мир и археология. Вып. 1. Саратов. С 12-28.
20. Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1984. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // Советская археология. № 4. Москва. С. 138-149.
21. Тамимдарова Р.Р., 2007. Человеческое захоронение на поселении Таналык // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2007». Актобе. С.76-77.
22. Файзуллин И.А., 2012. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 14, №3. Самара. С. 226 - 230.
23. Фомина В.И., 1964. Селище у Спасского моста // Археология и этнография Башкирии, т.2. Уфа. С. 207-211.
24. Чемякин Ю.П., 1974. Поселение эпохи бронзы Мирный IV // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск. С. 50-55.

Конференция «Ломоносов 2013»

25. Чемякин Ю.П., 1976. Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье // Археологические открытия 1975 года. Москва. С. 206-207.
26. Чемякин, Ю.П., 1978. Работы нефтепроводного отряда в Челябинской области // Археологические открытия 1977 года. Москва. С. 201-202